

У молодого человека со шрамом от швов на лбу на губах всё ещё алела свежая кровь — след недавнего удара по Харе. Глядя на черноволосого юношу, который отчаянно пытался вырваться из плена иллюзий, он ухмыльнулся ещё шире. Его лицо исказила жуткая, хищная гримаса.

— Расширение территории: Плывущие рыбы Инь-Ян! — выкрикнул он, обрывая фразу.

Пространство вокруг Кэндзяку содрогнулось и раскололось. Из самого центра, клубясь, вырвались два исполинских шлейфа дыма — чёрный и белый, похожие на кружащих рыб. Описывая полукруги, они начали стремительно расширяться.

Цвета перетекали друг в друга, соприкасаясь головами и хвостами в медленном, плавном танце. Чёрный и белый дымы безостановочно смешивались: один поток нёс в себе сотканые проклятой техникой иллюзии, другой — отражал безжалостную реальность настоящего момента.

Внутри этой территории вымысел и явь слились воедино, наслаиваясь друг на друга так плотно, что их границы окончательно стёрлись. Харе, и без того одурманенный вражеской техникой, теперь полностью утратил связь с действительностью.

Завеса иллюзий уплотнилась. Заметив это, беловолосый Харе недовольно прищурился, сверкнув лазурными глазами в сторону Кэндзяку.

— Не мешай! — резко бросил он.

Пространственно-временной проход ещё не открылся. Если перегнуть палку и спровоцировать у мальчишки эмоциональный срыв, стабильность его проклятой энергии нарушится, и весь план полетит к чертям.

Кэндзяку вытер кровь с подбородка тыльной стороной ладони, не теряя притворно-сладкой улыбки.

— Да брось, я ничуть не помешаю твоему замыслу. Просто хочу немного сбить с этого мальчишки спесь, чтобы он стал сговорчивее. Сам посмотри.

Он демонстративно шагнул к черноволосому Харе и, смягчив голос до приторной нежности, позвал:

— Харе, милый, что ты здесь делаешь?

Тон был настолько доверительным, словно они всегда были самыми близкими людьми. Наблюдая за этим кривляньем, беловолосый юноша брезгливо поморщился. Однако уже в следующее мгновение брезгливость на его лице сменилась искренним изумлением.

Он увидел, как черноволосый Харе, чью руку он всё ещё сжимал в своей, вдруг медленно повернул голову в сторону Кэндзяку. На его лице расцвела кроткая, мягкая улыбка.

— Господин Гето... — тихо отозвался он. — Я пришёл погреться на солнышке.

Голос его звучал нежно и робко, но сияющие прежде лазурные глаза казались мёртвыми, подернутыми пеленой пустоты. Его взгляд не фокусировался на Кэндзяку — ослеплённый проклятой техникой, разум Харе видел перед собой иллюзорный образ Гето Сугуру.

Кэндзяку заговорщически улыбнулся и занёс руку, притворяясь, будто гладит мальчика по голове.

— Как ты меня назвал, Харе? Разве я тебе не мама?

Харе послушно опустил голову. В его позе сквозила робость пополам со смущением. Губы мальчишки дрогнули, он порывался было сказать «мама», но горькое чувство собственной неполноценности заставило его запнуться.

— Наверное... — прошептал он, едва шевеля губами. — Наверное, вы с папой ужасно разочарованы тем, что у вас такой ребёнок?

Он лепетал это едва слышно, уставившись в землю и не смея поднять глаз. Всё его внимание поглотил крошечный пучок травы, пробившийся сквозь трещину в каменной плите двора. В голове вяло крутилась сонная, отрешённая мысль: почему солнце светит так ярко, а ему совсем, совсем не тепло.

«Что скажет мама? Ему правда так горько из-за меня?»

«И как он вообще узнал, что я его сын?»

«Странно... Силы уходят. Проклятая энергия утекает сквозь пальцы. Так больно... Почему в груди так тяжело и душно?»

* «... Мелкий...»*

Этот голос вспыхнул в его сознании блеклой, затухающей искрой — словно разряд статического электричества — и тут же бесследно растаял.

Голос показался до безумия знакомым. Но едва Харе попытался зацепиться за него, вспомнить, кому он принадлежит, как весь мир перед глазами на мгновение дрогнул и исказился. Впрочем, морок тут же вернул былую устойчивость, вновь превратившись в тихий, залитый тёплым светом внутренний дворик.

«Что... Что это было?»

Харе в растерянности вскинул голову. Мягкая, любящая улыбка на лице стоявшего перед ним Сугуру вдруг уродливо треснула. Одежда мужчины мгновенно пропиталась кровью, тело покрылось глубокими, сочащимися ранами.

Липкие, горячие брызги ударили Харе в лицо. Замерев от ужаса, он растерянно захлопал ресницами.

— Ма... ма? — сорвался с губ глухой, испуганный шёпот.

Разум мальчика оцепенел. Страх перед жутким зрелищем покалеченного родителя парализовал волю, лишая способности рассуждать.

Истекающий кровью Гето дико вытаращил глаза и оскалился в безумной, издевательской усмешке.

— Разочарован? Да я по горло сыт этим позором, Харе! Ха... Ха-ха! Какое ничтожество вроде тебя вообще может быть моим сыном? Кто позволил тебе называть меня так? Меня тошнит от одного твоего вида!

Каждое слово било наотмашь, словно кованый клинок. Харе содрогнулся всем телом. Волна удушающего горя и боли накрыла его с головой, лишая опоры. Ослабев, он покачнулся, сделал шаг назад, пытаясь удержать равновесие, и во что-то врезался.

Оглянувшись, он похолодел. Позади него высился Папа Годжо. Его всегда безупречное, озарённое весёлой улыбкой лицо теперь было залито кровью, а взгляд синих глаз дышал ледяным презрением.

— И как нас только угораздило обзавестись таким отродьем? — глухо процедил он. — Ты ведь всего лишь мерзкое проклятое чрево!

Словно от удара молнии посреди ясного неба, Харе почувствовал, как падает в бездонный ледяной колодец. Руки и ноги онемели, отказываясь повиноваться. Стужа сковала внутренности, а в уши со всех сторон хлынул неистовый, разноголосый гул.

— Харе? Ха! Да он просто грязное проклятое чрево!

— Клан Годжо никогда не признает эту осквернённую кровь!

— Почему выжил он, а не нормальный ребёнок?

— Бесплезная тварь без рода и племени!

— Он проклят! Это предвестник беды! Разве могут в одну эпоху существовать сразу две пары Шести Глаз?!

— Убейте его! Вырвите эти глаза! Уничтожьте ублюдка!

— Сдохни! Сдохни!

Безжалостные голоса лавиной вгрызались в его сознание, становясь всё громче, злее, яростнее. Перед взором без конца громоздились окровавленные силуэты его отцов. Иллюзия и реальность кромсали его разум, разрывая остатки воли на части.

— Нет... Нет, всё не так... — в полном безумии пролепетал он, рушась на колени.

Зажав руками уши, Харе забился в судорогах. Его широко распахнутые глаза заволкло багровой сеткой лопнувших сосудов.

— Замолчите... Пожалуйста, замолчите!

Но безжалостный хор в его голове не утихал, гремя набатом:

— Ты — несмываемое клеймо на их репутации!

— Тебе не место среди живых, убирайся!

— Вон из Поместья клана Годжо! Пошёл вон!

— Нет... — Харе судорожно хватал ртом воздух. Его бледные губы мелко дрожали.

Он отчаянно мотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение, прогнать кошмарные голоса и образы, но те пиявками впивались в его разум, высасывая последние силы.

— Взгляни на них! Это ты их погубил! Ты — вестник гибели!

— Две пары Шести Глаз нарушили баланс этого мира...

— Ты сам навлёк эту катастрофу!

Под напором этого яростного шквала Харе выгнул спину, словно выброшенная на берег рыба. Уткнувшись лбом в холодные плиты, он хрипло, со свистом дышал.

— Враньё... Заткнитесь... Это всё неправда...

Его тонкая, костлявая спина натянулась, готовая вот-вот лопнуть от напряжения. Из последних сил угасающий разум пытался сопротивляться кошмару. И вдруг чьи-то ладони мягко обхватили его лицо.

Судорожный хрип Харе оборвался. Он замер и медленно, невидящим взглядом уставился перед собой. Прямо перед ним на корточки присел Гето Сугуру. По его подбородку струилась тёмная кровь, но на губах играла до ужаса нежная, ласковая улыбка.

— Харе, милый, — прошептал он. — Умри, пожалуйста.

Эти слова, словно пущенная в упор стрела, пробили его защиту. Последняя тонкая нить, связывавшая Харе с рассудком, с тихим треском лопнула. Его тело каменно застыло, а зрачки остекленели, уставившись в пустоту.

Беловолосый Харе не знал наверняка, какие кошмары сейчас терзают сознание его двойника, но по мертвенному оцепенению мальчика легко мог обо всём догадаться.

Будучи порождением тёмных помыслов и затаённой злобы Харе, в этот миг соприкосновения он вдруг ощутил, как его собственную грудь затапливает неопишуемая, раздирающая тоска. Не успев осознать, откуда взялось это чувство, он почувствовал, как мир перед его глазами расплывается от непрошенных слёз.

С высоты небес раздался глухой, утробный скрежет, похожий на вращение чудовищных каменных жерновов. Время пришло — пространственный коридор открывался.

Беловолосый юноша резко отдёргнул руку. Чужая боль, проникшая в его сердце, выкатилась из глаз парой чистых, сверкающих слезинок. Смахнув их, он сухо отвернулся.

— Готово. Уходим.

Все проклятые духи-связники были расставлены в ключевых точках этого мира. Поскольку этот черноволосый Харе поглотил пальцы Сукуны, под воздействием наложенного обета Король Проклятий больше не представлял угрозы. Разослать его пальцы по разным мирам было даже к лучшему — это гарантированно запечатает его чудовищную мощь.

Теперь оставалось лишь вышвырнуть этого Харе обратно в его родную временную линию, чтобы он не путался под ногами.

Как только проклятые духи займут свои места во всех расщеплённых реальностях, он сможет одновременно высвободить их силу и исправить искривлённый ход времени...

Кэндзяку, всё ещё сидевший на корточках перед оцепеневшим мальчиком, при слове «уходим» хищно сощурился. В его голове созрел дерзкий план.

— Послушай, Харе, — вкрадчиво заговорил он. — А что, если нам немного изменить условия сделки? Позволь мне забрать это тело с собой. Ты ведь сам говорил: как только мы покинем этот мир, все воспоминания о нас сотрутся. Ни одна живая душа не вспомнит о его существовании, и никто не бросится на поиски. Так ты получишь свободу, а я — то, о чём так долго мечтал. Ну как?

— Ты нацелился на него с самой первой встречи, верно? — беловолосый юноша брезгливо окинул взглядом свои лишённые кожи ладони и издал короткий, презрительный смешок. — Какая ненасытная алчность.

— Ну, при должной силе и змея способна проглотить слона, — Кэндзяку даже не думал отпираться. Он лишь слащаво улыбнулся и указал пальцем на застывшего Харе. — Погляди на него. Разве он сейчас не прекрасен в своём послу...

Закончить фразу он не успел. Воздух вокруг взорвался от колоссального выброса чистой, первобытной ярости. Ведомый звериным инстинктом самосохранения, Кэндзяку кувырком отпрянул назад и в панике уставился на коленопреклонённого мальчика.

Плечи черноволосого Харе мелко задрожали. Эмоциональное напряжение, достигшее критического пика, внезапно лопнуло, оборвав последние скрепы его рассудка. Он запрокинул голову и дико, иступлённо расхохотался:

— Хорошо... Ха-ха-ха! Да не нужно мне ничего, слышишь?! Только не умирай... Пожалуйста, не умирай, мама! Ха-ха-ха-ха!..

Мальчик бредил вслух, выкрикивая бессвязные, жуткие слова. Пошатываясь, он поднялся на ноги. Из его тела лавиной хлынула проклятая энергия такой сокрушительной силы, что барьер территории Кэндзяку с сухим треском разлетелся вдребезги.

Кэндзяку, получивший мощнейший удар отдачи от разрушения территории, отлетел в сторону. Врезавшись спиной в бетонный угол водонапорной башни, он мешком рухнул на землю. Сплюнув подступившую к горлу кровь, он судорожно приподнялся на локтях, уставившись на бушующего Харе.

— Он что... пришёл в себя?! — сипло выдохнул он.

Беловолосый двойник молчал. Он и сам не понимал, что происходит. Стоящий перед ними Харе

словно полностью ослеп и не замечал никого вокруг. Он медленно поднял дрожащие ладони и закрыл лицо.

Безумный, леденящий душу хохот всё ещё сотрясал его тело, хотя сквозь плотно прижатые к лицу пальцы уже ручьями лились слёзы. Он непрерывно бормотал что-то себе под нос, но голос его становился всё тише и слабее. Можно было разобрать лишь обрывки фраз: «Не умирай...» и «Мне больше ничего не нужно...»

Беловолосый Харе молча наблюдал за этой вспышкой безумия своего двойника, пока до него внезапно не дошёл истинный смысл этих бессвязных речей.

— Стой! — крикнул он, резко подаваясь вперёд.

Он рванулся, чтобы помешать кошмару, но было слишком поздно. Черноволосый Харе с силой вонзил согнутые пальцы себе в глазницы. Раздался влажный, хлюпающий звук разрываемой плоти.

Потоки густой, тёмной крови хлынули из пустых глазниц, мгновенно смывая следы недавних слёз. Два окровавленных, некогда прекрасных, похожих на драгоценные сапфиры глазных яблока соскользнули в его окровавленные ладони. Содрогаясь от невыносимой боли, мальчик запрокинул залитое кровью лицо к небу и иступлённо завопил:

— Всё! Ха-ха-ха-ха! Теперь всё кончено! Они мне не нужны! Вернитесь... Пожалуйста, вернитесь!..

— Да ты издеваешься!.. — взвыл Кэндзяку, хватаясь за голову. — Мне нужно было лишь сильное тело, а он...

Это же были Шесть Глаз! Абсолютное сокровище мира магов! Как он мог своими руками вырвать их?! Какая польза от ослепшего сосуда?!

Истошный крик бьющегося в истерике Кэндзяку привлёк внимание обезумевшего Харе. Сжимая в окровавленном кулаке собственные глаза, он — словно всё ещё прекрасно видя всё вокруг — безошибочно повернул окровавленное лицо в сторону врага.

— Хе... — сорвался с его губ тихий, зловещий смешок.

На его бледных губах медленно расплылась оскаленная ухмылка. В это мгновение Кэндзяку физически ощутил ледяное, удушливое дыхание неминуемой смерти.

В ту же секунду обе фигуры — черноволосый Харе и его беловолосый двойник — сорвались с места. Один мчался, чтобы растерзать врага, другой — чтобы предотвратить непоправимое.

Окровавленная ладонь намертво вцепилась в воротник Кэндзяку, но путь ей преградила рука без кожи. Три фигуры сплелись в яростном противостоянии, и именно в этот миг нависшая над крышей Завеса с оглушительным грохотом раскололась.

С небес, сокрушая всё на своём пути подобно карающей длани божества, обрушилась колоссальная сфера сгущённой проклятой энергии. Все трое, забыв о борьбе, одновременно вскинули головы вверх.

<http://bllate.org/book/19043/2005243>